

Русский православный фундаментализм: социально-философские аспекты

© А.В. Волобуев

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 125993, Россия

Представлен краткий обзор феномена русского православного фундаментализма, рассмотрены его сущностные основания и дана оценка его перспектив. Выявлены основные сущностные черты фундаментализма вообще и фундаменталистские тенденции русского православия в частности, проанализированы психологические основания фундаменталистского мировоззрения. Показано, что, несмотря на наличие в современном русском православии определенных фундаменталистских тенденций, а также отдельных вспышек социокультурного протеста (например, скандал вокруг фильма «Матильда»), в целом фундаменталистская ориентация не играет первостепенной роли, а отдельные проявления фундаментализма осуждаются Русской православной церковью.

Ключевые слова: фундаментализм, православие, православный фундаментализм, социальная философия, религия, философия религии

Секуляризация общества, проводимая в советскую эпоху, на первый взгляд должна была сделать невозможным процесс, наблюдаемый лишь при трансформации общества от традиционных к современным секулярным формам. Однако фундаменталистские тенденции ясно прослеживаются в религиозной жизни русского православного мира. Следует отметить, что как отечественные, так и зарубежные исследователи в целом обходят тему православного фундаментализма, видимо, из-за закрепившегося за этим термином негативного смысла. И.В. Кудряшева замечает: «Если мы спросим неподготовленного читателя, что такое фундаментализм, то ответы, скорее всего, будут лежать в диапазоне от “анахронизма” и “мракобесия” до “религиозного фанатизма” и “экстремизма”» [1, с. 93]. Такое представление является односторонним и не раскрывает сущности феномена фундаментализма в целом.

В широком смысле «фундаментализм» означает приверженность определенному набору идей и ценностей, которые рассматриваются как основополагающие (фундаментальные) и принимаются за абсолютную истину независимо от их содержания. Эти принципы берут на вооружение отдельные социальные группы или организации (называемые фундаменталистскими), которые последовательно и самоотверженно претворяют их во всех сферах социального бытия, в том числе и в политике.

Фундаментализм обычно трактуют как «идеологию религиозных и религиозно-политических движений и течений, которые активно выступают за возвращение к истокам или богословской основе верования, за возврат вере ее изначальной чистоты» [2, с. 5]. В том случае, когда учение утрачивает опору на понятие «возвращение», фундаменталисты перестают быть таковыми, даже сохранив свое мировоззренческое ядро. И это очень важно. Неверно называть фундаментализмом просто верностью традициям, а модернизмом — любыми инновациями. В настоящей статье модернизм определяется через базовые принципы эпохи Нового времени (начиная с XV–XVI вв.) и постмодерна, а фундаментализм — через пассивное или активное противостояние этим принципам, имеющее, как это ни парадоксально, также модернистский характер. Сущность фундаментализма тесно связана с возвращением, со стремлением вернуться к первоначалам, восстановить утраченную чистоту веры или идеологии [3, с. 131]. Хотя верующему может быть вполне достаточно внутреннего убеждения в «чистоте» какого-либо принципа или идеологии, это недостаточное условие для возникновения фундаментализма, поскольку вследствие субъективности восприятия верующим своей религии, особенно при слабой институционализации, неизбежны расхождения между верующими в понимании того, что же именно является «фундаментальным», «чистым», «исконным», к чему следует вернуться [11]. Поэтому смысловым ядром фундаменталистского учения является, как правило, текст, воспринимаемый фундаменталистами как сакральный, непогрешимый источник «чистого», «истинного» знания. В связи с этим возникновение и укрепление фундаменталистских учений характерны прежде всего для тех религий и учений, которые опираются на священный текст.

Как отмечает К.С. Гаджиев, «понятие [фундаментализм] правомерно использовать применительно к течениям мысли — как секулярным, так и религиозным, — выступающим за “чистоту” своих идеологий и идейно-политических программ путем их очищения от появившихся в ходе общественно-исторического развития вредных, по их мнению, напластований, уклонов и, соответственно, за возврат к первоначальным базовым или фундаментальным основам, истокам» [4, с. 5].

В данной статье будем рассматривать русский православный фундаментализм как систематическое проявление вышеуказанных тенденций в рамках отечественной православной традиции в России и за рубежом, ограничивая предмет исследования областью влияния Русской православной церкви (РПЦ) в России и за рубежом.

Православный фундаментализм зародился в конце XIX — начале XX в. (хотя, по мнению некоторых исследователей, его истоки можно

найти гораздо глубже, еще в период раскола). Его первым ярким проявлением стала политическая организация «Союз русского народа», а общественными актами, ознаменовавшими его формирование, можно назвать еврейские погромы (например, 1903 года). В это же время появляются и первые теоретики православного фундаментализма: В.М. Пуришкевич, А.И. Дубровин, В.А. Грингмут, Н.Е. Марков, Иоанн Вострогов, архимандрит Макарий и другие. В связи с этим следует упомянуть уголовное дело, в значительной степени схожее с печально известными «обезьяньими процессами» в США: дело Бейлиса (1911), впрочем, проигранное инициаторами. Однако на первом этапе своего развития православным фундаменталистам не удалось надолго аккумулялировать энергию социального протеста и уже к Февральской революции православные фундаменталистские организации перестали быть сколько-либо значимой общественно-политической силой.

Тем не менее уже в самом начале перестройки появление таких организаций, как общество «Память», показало, что православный фундаментализм станет играть заметную роль в общественно-политической жизни. По мнению К.Н. Костюка, тенденция «архаического воспоминания, воскрешающая в памяти дореволюционную традицию» [5, с. 2] в дальнейшем дала развитие в трех направлениях: самостоятельное существование продолжило националистическое экстремистское крыло, формирование более умеренного крыла на православной национально-патриотической платформе и тенденция слияния с ним Коммунистической партии Российской Федерации.

В политическом плане можно выделить несколько направлений ориентаций возрождавшегося православного фундаментализма. В первую очередь это национально-традиционалистское христианское движение, которое возглавлял В. Аксютин, ориентированное на христианскую демократию, а также движение монархистов, которых объединял общий лозунг воссоздания православной монархии. Например, церковь активно поддерживала либеральный Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятый Верховным Советом СССР 1 октября 1990 г. Но как только в новейшей России была сформирована политическая система, дружественная РПЦ, церковь резко меняет позицию и лоббирует антилиберальный религиозный закон 1997 г. Уже с 1998 г. антилиберальная доктрина РПЦ принимает завершенную форму в выступлениях митрополита Кирилла.

Возрождаются православные средства массовой информации, распространенными становятся газета и радио «Радонеж», а также журнал и телепередача «Русский Дом», которые вовлекаются в активную общественную деятельность конструктивного характера. Но помимо них появляются и газеты фундаменталистского толка, например, «Русь православная» и «Русь державная», отличавшиеся

весьма радикальной позицией. Идеологический успех этих СМИ заметен уже хотя бы по их внушительной публикационной активности и доминированию в Интернете среди православных ресурсов. Институциональные формы православного фундаментализма также бурно развивались с момента его зарождения и занимали весь спектр позиций: от ультрарадикальной «Черной сотни», экстремистских «Православие или смерть», «Славянского мира», «Общества ревнителей митрополита Иоанна» до достаточно уважаемых организаций вроде патриотического движения «Александр Невский», «Союз православных граждан», «Общественный комитет за нравственное возрождение отечества» и др. Среди общественных акций православных фундаменталистов стоит упомянуть многотысячный митинг, переросший в шествие, с требованием запретить демонстрацию фильма М. Скорсезе «Последнее искушение Христа» в 1997 г., митинг в поддержку закона о религиозных организациях (1997), а также многочисленные акции православных хоругвеносцев в последние десятилетия (например, массовое сожжение книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти» 10 октября 2007 г., книг В. Сорокина и Э. Радзинского 21 ноября 2008 г.). Кроме того, православные фундаменталистские организации приняли участие в защите Белого дома в 1993 г. Впрочем, решающего характера эта активность не имела. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что существенного политического или идеологического влияния на российское общество или русскоязычные общины за рубежом православной фундаментализм до сих пор не оказал. Велико его воздействие не на общество, а на РПЦ. Например, под напором фундаменталистов в церкви начался дрейф от экуменизма, дошедший до дискуссий о выходе из Всемирного совета церквей. «Влияние это по неформальным каналам значительно ощутимей, чем по формальным» [5, с. 3].

Какие же из православных организаций, течений и учений можно причислить к фундаменталистским? Фундаментализму трудно дать содержательное определение. Его основную интенцию раскрыл психолог Д. Функе: «Фундаментализм есть установка на определенную основную идею или основную ценность, которая берется под полномасштабную защиту» [6, с. 83]. С этой точки зрения может показаться, что православие является фундаментализмом по определению, но не стоит путать естественный консерватизм, следование всякого культурного образования фундаментальным основаниям, на котором оно построено (неважно, о чем идет речь, — о государстве, морали, религии), с фундаментализмом. «Фундаментализм является одним из вариантов ответа на вызов модернизации» [7, с. 52]. Он отличается от консерватизма и традиционализма, поскольку его представители не стремятся сохранить имеющееся положение вещей или законсерви-

ровать существующую традицию, но хотят изменить мир, используя в качестве модели упрощенное и идеализированное прошлое. Само по себе православие по определению консервативно, тогда как фундаментализм — это уже внешнее свойство, которое может возникать как один из ответов на вызов модернизации. К.Н. Костюк пишет: «Конститутивным для фундаментализма является его конфликт с модерном, а вовсе не внешние формальные признаки» [5, с. 4].

С этой точкой зрения согласны и другие исследователи: «Фундаментализм — далеко не синоним термина “традиционализм”, это скорее один из возможных путей обновления традиции, сочетающий в себе переработанные, идеалистически представленные элементы традиции и инновации» [8, с. 18]. Таким образом, необходимо отделить консервативные и традиционалистические течения от фундаменталистских, которые являются предметом исследования. Широкая трактовка понятия фундаментализм «представляется непродуктивной» [9, с. 8], поскольку препятствует выделению сущностных черт фундаменталистского мировосприятия.

Один из важнейших пунктов программы фундаменталистов — патриотическая повестка. Православные фундаменталисты исповедуют ярко выраженное политическое мессианство, восходящее к знаменитой фразе «Москва — Третий Рим». Православные фундаменталисты проповедуют идею об исключительности России, которая является средоточием духовной истины, добродетели и благочестия, а русский народ, народ-богоносец, — носителем истинной православной веры. Разумеется, нравственная исключительность делает народ-богоносец объектом гонения. Русская земля служит полем битвы между добром и злом, а русский народ претерпевает многое во имя добра, истины и справедливости. Таким образом, фундаменталисты дают метафизическое обоснование патриотизму, объявляя любовь к Родине и единство народа святым чувством, подобным любви к матери, причем особенно удобной позицией православных фундаменталистов делает то, что она носит ярко выраженный государственный характер. Именно единство государства, церкви и народа, то, что философ В.С. Соловьев называл «народностью», и есть залог сохранения христианского благочестия. Таким образом, фундаменталисты выступают за активное влияние церкви на политику через ее сплетение с государством. Своими врагами они называют как внешние, так и внутренние силы и процессы в обществе. «Фундаментализм предстает как идеология социального и политического протеста, не приемлющая западного экспансионизма, форсированной модернизации, которые подрывают устои традиционного общества» [2, с. 6].

Впрочем, упомянутые особенности не позволяют выделить фундаменталистское мировоззрение из других форм консервативного ре-

лигиозного мировоззрения. К.Н. Костюк, анализируя черты православно-идеологемы фундаментализма, обосновывает тезис о том, что в нем отчетливо видны черты «теономической метафизики», которая служит благодатной почвой для развития фундаменталистского мировоззрения. Сущность этой метафизики состоит в синкретическом и одновременно мистическом переживании тотальности бытия и безграничной власти божественного провидения. Психика фундаменталиста сознательно и подсознательно защищает ценности, которые девальвировались в обществе. В результате он теряет общественную поддержку. Фундаментализм, отказываясь от диалога, от конструктивной переработки вызовов модернизации, исключает себя из общества, из течения жизни, из развивающейся культуры и маргинализируется.

Психолог Д. Функе, анализируя психику фундаменталиста, отмечает, что при этих условиях противоречия между личностью и обществом могут привести к психологическому кризису и искажению психики. Д. Функе пишет, что фундаменталист совмещает в себе шизоидную и навязчивую структуры личности [6, с. 84, 85]. Личностный рост фундаменталиста тормозится возвратом к инфантильному чувству единения ребенка с матерью, и поэтому автономное мышление и самовосприятие, основанное на рефлексии и критике, в первую очередь самокритике, тормозятся инфантильным сознанием. Фундаменталист ощущает многочисленные угрозы своей безопасности, он находится в осажденной крепости, что делает его мировосприятие пассивно-агрессивным. «В фундаментализме становится зримой вершина айсберга “тоска по безопасности”» [6, с. 87, 88]. Немецкий психолог обосновывает тезис о том, что в обществе с высоким уровнем аффективной и когнитивной неопределенности, которая связана с существенными изменениями социума и культуры, наблюдается тенденция к поощрению архаических форм безопасности в ущерб равновесной балансировке полюсов. Д. Функе считает, что цель учения фундаменталистов — провозглашение гармоничного состояния мира, в котором культурное и природное, субъект и объект, творения и Творец будут связаны неким всеобъемлющим единством. Фундаменталисты, таким образом, имманентно противопоставляют себя гуманистическому рационализму с его опорой на силы и возможности человека, его саморазвитие и общественный прогресс. Их заменяют вера во встроенность, во взаимосвязанный космос, в котором не существует тех острых проблем, в процессе переживания которых черпают свои силы фундаменталисты. По мнению Д. Функе, психология осажденной крепости и потеря веры в будущее являются центром адаптации для подобных психически травмированных модернизацией индивидов. Конечно, не стоит сводить фундаментализм к

психическим акцентуациям. Тем не менее маргинализация определенных социальных групп делает их хорошей социальной опорой для фундаменталистов. Благочестие становится ритуальностью, а безобидное стремление сохранить дух христианского благочестия под влиянием психологии защитника осажденной церкви — навязчивым желанием фундаменталистов ревностно следить за строгим исполнением ритуала. Ясное и четкое различие добра и зла, имеющее метафизическую основу, трансформируется для фундаменталиста в строго черно-белый образ мира. Стремление к соблюдению моральных принципов превращается в агрессивное отвержение социального прогресса. По мнению фундаменталистов, общество находится в глубоком кризисе нравов, который связан исключительно с разрушением традиционных религиозных моральных норм, с либерализацией, делающей человека распущенным. Формируется противоположащий вектор: «Тоска по подлинности становится идеологемой, трансформирующей смысловую интерпретацию ценностного горизонта идентичности в функцию “машины желания”, реализующей бессознательное стремление к господству в потреблении» [10, с. 36].

Именно с этой вседозволенностью и должен бороться фундаменталист. Вышеописанное становится одной из причин того, что «для фундаменталистов типичен редуционизм, т. е. упрощенный подход к религиозным догматам» [4, с. 5].

Православный фундаментализм, как и большая часть других форм фундаментализма, носит религиозный характер, но его основу следует искать в социально-психологической и социально-культурных сферах. Выше был эксплицирован первый аспект, теперь следует перейти ко второму. При столкновении с вызовами модернизации и с мощным ветром перемен, которых уже не выдерживают устоявшиеся в обществе ценности, на духовный вызов могут быть даны два ответа: трансформация и отрицание. К.Н. Костюк пишет: «Само противостояние православия отрицания (фундаментализма) и православия утверждения (современные формы православия) вытекает из столкновения двух моралей, двух этосов, которые принадлежат соответственно архаическому и современному обществу» [5, с. 8, 9]. Фундаменталистская критика весьма селективна, она фокусируется лишь на нескольких острых явлениях морального упадка, таких как аборты, контрацепция, проституция, адюльтер, преподавание в школе синтетической теории эволюции вместо креационизма, а также потребительское отношение человека и общества.

Фундаменталисты борются за возвращение личности под власть общественных институтов. Отсюда склонность фундаментализма к патерналистической монархии, построенной по образцу семьи. Например, архиепископ Серафим Соболев пишет: «Ведь никто из

людей, вводимых голосом разума и совести, не будет оспаривать естественное и божественное право отца налагать свое волю на детей, требовать от них ее исполнения и наказывать их за ее нарушение... Власть отца по отношению к своим детям является самодержавной» [11]. Он считает, что до тех пор, пока воля отца соответствует воле Божьей, она носит божественный характер и сопротивление ей со стороны ребенка — преступление. Совершенно очевидно, что здесь фундаменталисты воспроизводят архаичный политический патернализм, сводящий политическое устройство общества к родовому, к большой семье. Это представление было эксплицировано еще в конфуцианстве. Именно в патернализме фундаменталисты ищут политическую легитимность, тот же Серафим Соболев обращается к текстам митрополита Филарета Московского: «В семействе должно искать начатков и первого образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в большом семействе — государстве. Именно отец есть... первый властитель» [12, с. 5]. Политические категории власти, авторитета, силы, обосновываются сакральностью института семьи, таким образом, сакральны и государство и самодержавная власть. Процветание — результат политического могущества, а вовсе не наоборот, как это принято в дискурсе модерна. Опираясь на сакральность, радикальные фундаменталисты могут характеризоваться «применением насилия в политических или идеологических целях» [13, с. 244], что делает их потенциально экстремистскими организациями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в основе фундаментализма лежит реакция на социальные последствия распространения индивидуалистического этоса. Таким образом, появление фундаментализма есть объективный социальный процесс. Но это не объясняет, почему фундаментализм носит преимущественно религиозный характер.

Религия привлекает ревнителей архаического этоса как важный источник табу, культа и мифологического мировоззрения. Именно традиция для фундаменталистов важнее, чем поиск личных отношений с Богом. В этом смысле православие находится на наиболее выгодных позициях как ветвь христианства, наиболее тесно связанная с традицией. В православном фундаментализме поиск путей возвращения и самовоспроизводства в будущее архаического этоса приобретает форму защиты религиозной традиции: «Вероучения имеют здесь черты мифа, догматика — черты табу, богослужение — характер культа. В церкви есть и иерархия, и определенная социальная закрытость, и синкретичное традиционалистское мировоззрение» [5, с. 11]. В этом он созвучен любому другому фундаментализму, например исламскому, который понимается как «стремление возвратиться к истокам традиции, рассматривается в известном смысле как попытка

ответа исламского мира на “цивилизационный” вызов Запада» [14, с. 53]. Как и любая другая форма фундаментализма, православный является одним из ответов на вызов модернизации. Модерн, разрушая традицию и вторгаясь в архаическое сознание, вызывает сопротивление со стороны последнего. Стремясь вернуться в изначальное «беспроблемное» состояние, архаичное мировоззрение продуцирует фундаменталистские установки, заключающиеся в желании вернуться в общество архаического этоса и вернуть сакральный статус институтам семьи и церкви, потерявшим его с модернизацией общества.

Необходимо отметить, что православный фундаментализм ни в коем случае не был, не является и не может быть тождественным православной церкви. Церковь позиционирует себя как вечный вселенский институт, которому не страшны вызовы времени. Но влияние фундаменталистов может оказаться достаточно существенным, для того чтобы противопоставить церковь обществу.

Следует подчеркнуть еще раз: фундаментализм — не пережиток архаики, в архаической традиции он не может существовать хоть сколько-нибудь продолжительное время, поскольку нарушает традиционное социальное воспроизводство. Судьба средневековых сект достаточно убедительно это показывает. Как и любая другая форма фундаментализма, православный может быть одним из ответов на вызов модернизации. Хотя в политической сфере фундаментализм кажется неотличимым от консерватизма, у него совсем иная природа. Фундаменталисты не участвуют в аналитическом, рациональном дискурсе модерна, вместо этого они находят свою нишу в более открытых формах синкретичного постмодернистского мышления. Поэтому для фундаменталистов характерны активное вовлечение в массовые акции вроде стотысячного митинга-шествия против показа в России фильма М. Скорсезе «Последнее искушение Христа» 9 ноября 1997 г.

Впрочем, влияние фундаменталистов на РПЦ все же носит ограниченный характер. Уже в начале XXI в. были приняты основополагающие документы, доктринально направляющие политику РПЦ, такие как «Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию» (2008 г.) [15], документ, который несмотря на влияние фундаменталистов, все же является умеренно экуменическим, а также «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2008 г.) [16], где, пусть и с осторожностью, церковь позиционирует себя открытой современному обществу. В связи с этим может быть обоснована и радикальная скептическая позиция. Так, Д.А. Головушкин утверждает, что «православный псевдофундаментализм... — это специфическая форма общественно-политической активности, основанная на псевдорелигиозном дискурсе идеациональности, эсхатологиз-

ма и пуританизма (симулякр фундаментализма). Несмотря на то что столпы этого движения нередко декларируют теоцентризм, благочестие и верность Священному преданию, идея возвращения к основам религии, богословской основе вероучения или религиозно-цивилизационным основам единства имеет для него всего лишь инструментальное значение» [17, с. 99]. Из рассмотренного материала следует, что религиозные идеи и мотивы очищения и возвращения носят, скорее, характер средства, чем цели. Сущностные черты русского православного фундаментализма: склонность к теонимической метафизике, идеологическое мессианство, а также общий для фундаментализма вообще антимодернистский и антиглобалистский настрой, вплетаются в ткань социально-политической действительности и нередко служат нерелигиозным (например, политическим) целям.

В заключение можно отметить, что влияние фундаментализма на РПЦ и общество имеет весьма ограниченный, совершенно несравнимый с салафитским влиянием на умму масштаб, но тем не менее объективные причины будут подпитывать его, и фундаментализм будет существовать как один из возможных ответов на вызовы модерна. Различные медийные вспышки вроде протестов против показа фильма «Матильда», сопровождавшихся как гражданскими акциями (многотысячными митингами с участием в них священнослужителей), так и насильственной акцией (без их участия) не вполне корректно приписывать православному фундаментализму. Так, «официальные представители РПЦ... осудили и теракт, и попытки запрета фильма, и выступления экстремистов в своих рядах» [18, с. 11]. На современном этапе фундаменталистские тенденции не играют первостепенной роли в отечественном православии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кудряшева И.В. Фундаментализм и «фундаментализмы». *Политическая наука*, 2013, № 4, с. 92–105.
- [2] Левин З.И. Предисловие. В кн.: Левин З.И. *Фундаментализм*. Москва, Крафт+, 2003, 264 с.
- [3] Головушкин Д.А. Православный фундаментализм: возвращение к осмыслению. *Философская мысль*, 2016, № 1, с. 111–155.
DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17759
- [4] Гаджиев К.С. Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей. *Власть*, 2015, № 3, с. 5–13.
- [5] Костюк К.Н. Православный фундаментализм. *Полис. Политические исследования*, 2000, № 5, с. 133, 134.
- [6] Funke D. Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus. In: *Fundamentalismus in den Kirchen*. Freiburg, 1991, s. 83–88.
- [7] Волобуев А.В. Кузина Е.С. Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман. *Исторические, фило-*

- софские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2017, № 4, с. 51–54.
- [8] Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму. *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*, 2013, № 4, с. 4–37.
- [9] Симонов И.В. Религиозный фундаментализм и религиозный традиционализм: к вопросу о корректном употреблении терминов. *Гуманитарный научный вестник*, 2017, № 11, с. 21–27.
- [10] Аполлонов И.А., Тарба И.Д. Проблема оснований этнокультурной идентичности в контексте глобализации. *Вопросы философии*, 2017, № 8, с. 30–43
- [11] Архиепископ Серафим (Соболев). *Русская идеология*. Санкт-Петербург, Изд-во им. А.С. Суворина, 1992, 104 с.
- [12] *Христианское учение о царской власти из проповедей Филарета Митрополита Московского*. Москва, 1901, с. 5–7.
- [13] Верховский А.И. *Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты*. Москва, Сова, 2003, 316 с.
- [14] Алексеев И.Л. *Исламский фундаментализм*. Москва, Академический проект, 2006, 53 с.
- [15] *Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840> (дата обращения 04.12.2018).
- [16] *Основы социальной концепции Русской православной церкви*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 04.12.2018).
- [17] Головушкин Д.А. Современный православный фундаментализм *or* псевдофундаментализм? *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение*. 2018, том 25, с. 92–102.
- [18] Кошелев М.И. О православном фундаментализме и экстремизме в современной России. *Международный пенитенциарный журнал*, 2018, том 4, № 1, с. 9–12.

Статья поступила в редакцию 05.02.2019

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Волобуев А.В. Русский православный фундаментализм: социально-философские аспекты. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 2.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2019-2-594>

Волобуев Алексей Викторович — канд. филос. наук, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ. Область научных интересов: социальная философия, философская антропология, философия религии, философия культуры, ислам, исламский фундаментализм. e-mail: urticafevox@yandex.ru

Russian Orthodox fundamentalism: social and philosophical aspects

© A.V. Volobuev

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

The paper gives a brief overview of the phenomenon of Russian Orthodox fundamentalism, its essential foundations and evaluates its prospects. The study elucidates the main features of fundamentalism in general, and fundamentalist trends of the Russian Orthodoxy in particular, analyses the psychological bases of fundamentalist outlook. Findings of research show that, despite the presence of certain fundamentalist tendencies in modern Russian Orthodoxy, as well as individual outbreaks of sociocultural protest (for example, the scandal about the film Matilda), in general, the fundamentalist orientation does not play a primary role, and the Russian Orthodox Church disapproves of certain manifestations of fundamentalism.

Keywords: *fundamentalism, orthodoxy, orthodox fundamentalism, social philosophy, religion, philosophy of religion*

REFERENCES

- [1] Kudryasheva I.V. *Politicheskaya nauka — Political science*, 2013, no. 4, pp. 92–105.
- [2] Levin Z.I. *Predislovie*. V kn.: *Fundamentalizm* [Preface. In: *Fundamentalizm*]. Moscow, Kraft+ Publ., 2003, 264 p.
- [3] Golovushkin D.A. *Filosofskaya mysl (Philosophical thought)*, 2016, no. 1, pp. 111–155. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.1.17759
- [4] Gadzhiev K.S. *Vlast (Power)*, 2015, no. 3, pp. 5–13.
- [5] Kostyuk K.N. *Polis. Politicheskie issledovaniya — Polis. Political Studies*, 2000, no. 5, pp. 133–134.
- [6] Funke D. Das halbierte Selbst: Psychische Aspekte des Fundamentalismus. In: *Fundamentalismus in den Kirchen*. hrsg. H. Kozhanek. Freiburg, 1991, s. 83–88.
- [7] Volobuev A.V. Kuzina E.S. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 4 (78), pp. 51–54.
- [8] Yakovlev A.I. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika — Moscow University Bulletin of World Politics*, 2013, no. 4, pp. 4–37.
- [9] Simonov I.V. *Gumanitarny nauchny vestnik (Humanitarian Scientific Bulletin)*, 2017, no. 11, pp. 21–27.
- [10] Apollonov I.A., Tarba I.D. *Voprosy filosofii — Russian Studies in Philosophy*, 2017, no. 8, pp. 30–43.
- [11] Arhiepiskop Serafim (Sobolev). *Russkaya ideologiya [Russian ideology]*. St. Petersburg, Izd. im. A.S. Suvorina Publ., 1992, 104 p.
- [12] *Khristianskoe uchenie o tsarskoy vlasti iz propovedey Filareta Mitropolita Moskovskogo [Christian teaching of the tsar power from the sermons of Philaret Metropolitan of Moscow]*. Moscow, 1901, pp. 5–7.

- [13] Verkhovskiy A.I. *Politicheskoe pravoslavie. Russkie pravoslavnye nacionalisty i fundamentalisty* [Political Orthodoxy. Russian Orthodox nationalists and fundamentalists]. Moscow, Sova Publ., 2003, 316 p.
- [14] Alekseev I.L. *Islamskiy fundamentalizm* [Islamic fundamentalism]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2006, 53 p.
- [15] *Osnovnye printsipy otnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi k inoslaviyu* [The basic principles of the attitude of the Russian Orthodox Church to non-Orthodox]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840> (accessed December 4, 2018).
- [16] *Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed December 4, 2018).
- [17] Golovushkin D.A. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie — The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 25, pp. 92–102.
- [18] Koshelev M.I. *Mezhdunarodny penitentsiarny zhurnal (International Penitentiary Journal)*, 2018, vol. 4 (1–4), no. 1, pp. 9–12.

Volobuev A.V., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Department of Social Philosophy, RUDN University. Research interests: social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of religion, philosophy of culture, Islam, Islamic fundamentalism. e-mail: avvolobuev@fa.ru